

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ВОЛГО-КАМСКОГО ГИДРОФОРМАНТА *-га*

*Посвящается памяти моего учителя
профессора Пауля Аристе*

В географическом отношении Волго-Камье является частью Восточно-Европейской равнины. Народы, заселившие эту территорию, в этнографической литературе нередко именуются народами Поволжья или народами Волго-Камья. Однако по современному районированию они считаются представителями Урало-Поволжской историко-этнографической области. Исследователями справедливо подчеркивается, что народы современного Урало-Поволжья достаточно разнообразны по антропологическому составу (все они европеоиды с той или иной примесью монголоидных компонентов). Кроме того, они принадлежат к разным языковым семьям — финно-угорской (мари, мордва, удмурты), тюркской (башкиры, татары, чуваша) и славянской (русские); живут в различных физико-географических зонах — от равнин Среднего Поволжья до предгорий Урала, а также в разных климатических, ландшафтных и иных природных условиях (Пименов 1979 : 40).

Бросая ретроспективный взгляд на этнолингвистическую карту Волго-Камья, можно заметить, что уже в конце ледникового периода, примерно 25—30 тысяч лет назад, на ней были зафиксированы охотничье-рыболовные племена (Айплатов 1980 : 3, 91). С течением времени она штрихуется не раз, отмечая осколочные элементы отдельных этносов, занесенных либо колонизационными, либо другими волнами. В пределах Волго-Камья в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации племен, взаимодействие и интеграция разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этнические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на его топонимике, характеризующейся сложностью своего формирования. Поэтому не случайно, что в его гидронимике имеется значительное количество названий как со стертой, так и с затемненной семантикой, в том числе наименований речных объектов на *-га*. Ареал их распространения выходит за пределы Волго-Камья и охватывает большинство регионов средней полосы России, Европейского Севера и отчасти Западную Сибирь и Саянское нагорье. Например, двусложные названия с гидроформантом *-га*: *Вага*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Вага*, р., левый приток р. Северная Двина; *Варга* 1) р.,

левый приток р. Лонтын-Яга, 2) р., правый приток р. Тамырсаг; *Ворга*, р. Ярослав. (Беккер 1970а : 17); *Вига* Костр., р., правый приток р. Унжа; *Волга*, р., впадает в Каспийское море; *Ега* [je-ga] ~ *Ёга* [jo-ga] ~ *Юга* [ju-ga], р. в бассейне р. Сура (Зимин, Еремин 1989 : 65—66); *Ега* [je-ga], р. Костр. (СНМКГ 265); *Калга*, р. Карел. (Серебренников 1955 : 23); *Карга*, руч. в бассейне р. Пинега (Симина 1962 : 91); *Кега*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Курга*, руч. в бассейне р. Пинега (Симина 1962 : 91); *Лайга*, р., левый приток р. Кеть (Беккер 1970а : 16); *Луга*, р., впадает в Балтийское море (Агеева 1989 : 220); *Люга* [l'uga], р., левый приток р. Вятка (МСВГ 1886 3); *Майга*, р. Вологод. (КГ XLIX); *Майга*, р., правый приток р. Чая (Беккер 1970а : 17); *Низга* [ni-ga], р. Карел. (Серебренников 1955 : 23); *Нойга*, р. Костр. (СНМКГ 233); *Нылга*, р., правый приток р. Вала (МСВГ 1892 4); *Пойга*, р. в Западной Сибири (Дульзон 1970 : 88); *Порга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Пуга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Пуга*, р., приток р. Большая Ошеть (МСВГ 1889 7); *Пуога* [pu-ga], р., левый приток р. Малый Кундыш (Мар.); *Сайга*, р. в Западной Сибири (Дульзон 1970 : 88); *Серга* [serga], р. Костр. (СНМКГ 202); *Сойга*, р. в бассейне р. Вычегда (Серебренников 1955 : 24); *Сойга*, р. Арханг. (Серебренников 1955 : 23); *Суйга*, р., левый приток р. Андарма (Беккер 1970а : 17); *Сыга* 1) р., левый приток р. Чепца, 2) р., левый приток р. Пызеп (СГНУА 126); *Сюга* [suga], р., левый приток р. Вала (МСВГ 1886 4); *Тайга*, руч. Костр. (СНМКГ 79); *Тега* [tega], р. Костр. (КГ XLVIII); *Туза* [tiga], р., правый приток р. Бакчар (Беккер 1970а : 17); *Тойга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Тузга*, р., левый приток р. Чепца (СГНУА 131); *Малая Узга*, р., правый приток р. Варзи (СГНУА 82); *Урга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Урга*, р., левый приток Суры Нижегород. (Трубе 1962 : 174); *Харга*, руч. в бассейне р. Пинега; *Хярга* [xa-rga], руч. в бассейне р. Пинега (Симина 1962 : 91); *Шага*, р., правый приток р. Ноля (Костр.); *Шуйга*, руч. в бассейне р. Пинега (Симина 1962 : 91); *Юга* [juga], р. Костр. (КГ XLVIII); *Юга*, р. Нижегород. (НГ 35); *Юга*, р. Вятск. (МСВГ 1886 103); *Яга* [jaga], р., левый приток р. Умяк (СГНУА 151).

Как явствует из примеров, двусложные речные названия с гидроформантом -га имеют следующие фонетические структуры: Vga, VCga, CVga, C'Vga, SVC'ga, C'VCga, CVCga.

Трехсложные речные названия на -га: *Большая Кокшага*, р., левый приток р. Волга (Киров., Мар.); *Малая Кокшага*, р., левый приток р. Волга (Мар.); *Кукишага*, р., левый приток р. Малая Кокшага (Мар.); *Манага*, р., левый приток р. Малая Кокшага (Мар.); *Ножга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Нозга*, р., Костр. (СНМКГ 222); *Нылыга*, р., правый приток р. Кильмезь (МСВГ 1886 : 3); *Печерга*, р. Костр. (СНМКГ 138); *Печурга*, р. Костр. (СНМКГ 139); *Пичерга*, р., правый приток р. Цна (Смолицкая 1976 : 252); *Свияга* [svija-ga], р., правый приток р. Волга; *Шебьюга* [seb'ju-ga], р. в бассейне р. Мезень (Серебренников 1955 : 24); *Шеляга* [šel'a-ga], р. Костр. (КГ XLVIII).

Трехсложные речные названия на -га имеют следующие фонетические структуры: CVCCVga, CVCVga, CVCVCga, CC'VCVga, CVCCVga, CVCVga.

Трехсложные речные названия на -ега, -ига, -ога, -уга: *Ваймуза*, р. Арханг.; *Ваймога* ~ *Воймига*, р. Владимир. (Агеева 1989 : 211); *Ваймога*, р. Арханг. (Серебренников 1955 : 23); *Воймега*, р. Моск.; *Варзуга*, р. — Кольский п-ов; *Вендига*, р. Моск. (Серебренников 1955 : 24); *Ветлуга*, р., левый приток р. Волга (Костр., Нижегород., Киров., Мар.); *Вичуга*, р. Костр.; *Возега*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Вохтога*, р. Вологод. (КГ XLIX); *Ежуга* [ježu-ga], р. в бассейне р. Мезень (Серебренников 1955 : 24); *Инега*, р. Костр.; *Ичуга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Кистега*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Колега*, р. (СНМКГ 93); *Корега*, р., правый приток р. Кострома (КГ XLVIII); *Кочуга*, р. Костр. (СНМКГ 214); *Кумога*, р. Костр.

(СНМКГ 25); *Латога*, р. Костр. (СНМКГ 152); *Ленига*, р. Костр. (СНМКГ 217); *Ловдуга*, р. Костр. (СНМКГ 141); *Лондога*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Лоптюга*, [loptu-ga], р. Арханг. (Серебренников 1955 : 23); *Лоптюга*, р., правый приток р. Вашка (Коми); *Лузога*, р. Костр.; *Лыстога*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Молога*, р., левый приток р. Волга; *Мудьюга* [tudju-ga], р. Арханг. (Серебренников 1955 : 23); *Мушуга*, р. Уфим. (УГ 107); *Надога*, р. Костр. (СНМКГ 115); *Нодога*, р. Костр.; *Нозога*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Нордога*, р. (СНМКГ 76); *Норнега*, р. (КГ XLVIII); *Нюрюга* [nyru-ga], р. Костр. (СНМКГ 72); *Онега*, р., впадает в Белое море; *Печуга*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Пичуга*, р. Костр. (СНМКГ 131); *Пинега* [pine-ga], р., правый приток р. Северная Двина; *Пожига*, р., левый приток р. Вига Костр. (ГССРИ 450—451); *Порнега*, р. Костр. (СНМКГ 94); *Пачига*, р. Пермск. (Никольский 1919 : 324); *Почега* ~ *Пачега* ~ *Почешка*, р., правый приток р. Осётр (Смолицкая 1976 : 158); *Рантуга*, р., приток р. Нарва (Агеева 1989 : 223); *Сендега*, р., правый приток р. Покша Костр. (Рождественский 1926 : 4); *Соєга* [soje-ga], р. Костр. (СНМКГ 144); *Соймога*, р. Арханг. (Серебренников 1955 : 23); *Солдога*, р. Костр.; *Тонога*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Удога*, р. (СНМКГ 16); *Уфтюга* [uftu-ga], р. в бассейне р. Сухона; *Чернега*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Шалега*, р. Костр. (СНМКГ 41); *Шортюга* [sortu-ga], Костр. (СНМКГ 52).

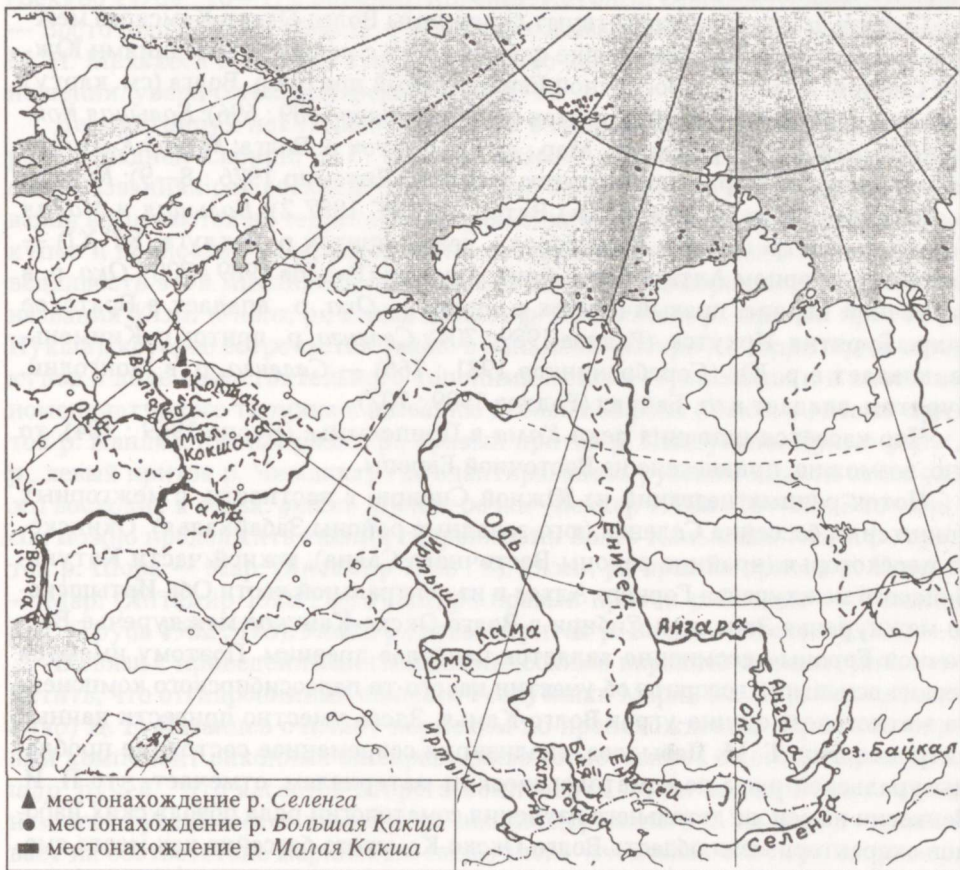
Гидронимы этой подгруппы имеют фонетическую структуру: VCVga, VCCVga, CVCVga, CVCVga, CVCVga, CVCCVga, CVCCVga, CVC'CVga.

Вопрос о происхождении гидроформанта -га — пожалуй, один из дискуссионных. Показательна в этой связи работа Г. Я. Симиной «Дославянская топонимия Пинежья» (1962 : 85—99), где автор затрагивает и вопросы историографии топоформантов. Так, говоря о гидроформанте -га, она отмечает, что большинство авторов прошлого века (например, М. Веске в работе «Славяно-финские культурные отношения по данным языка», Я. К. Грот в «Заметке о названиях мест») объясняли его как финно-угорский по происхождению, восходящий к слову *joki* с вариантами в различных языках этой группы (*joga, jaga, ju, jugan* и др.) Современные авторы, как отмечает Г. Я. Симиная, не столь категоричны в своих утверждениях о финно-угорской основе форманта -га, хотя некоторые исследователи (А. К. Матвеев, А. И. Попов) убеждены в его прафинском происхождении; при этом отдельными исследователями допускается дофинская (субстратная) природа форманта -га (например, Б. А. Серебренников относит его к древнейшей волго-окской топонимике), а А. П. Дульзон форманты -ка, -га возводит к сельк. -кы, -гы со значением 'река' (Симиная 1962 : 91—92).

Сама Г. Я. Симиная не предлагает нового этимологического решения, поскольку истолкование форманта -га вызывает определенные затруднения. Обращая внимание на структурный анализ севернорусских топонимов, она констатирует, что во многих из них можно увидеть словосложение, присущее и финно-угорской топонимии, где первая часть служит определением, частным понятием или собственным именем, вторая (определяемая) представляет собой родовое понятие (ручей, река и т.п.). По причине несоответствия многих дославянских топонимов этой типологической схеме Г. Я. Симиная заключает: «Топонимы на -га до сих пор представляют собой загадку; однако бесспорным является то, что они всегда служат названиями реки, ручьев (реже) и совсем единичны названия озер, и это не может быть случайным» (1962 : 91—92).

Между тем корпус гидронимикона с формантом -га стратифицирован как временным планом, так и участием многих языков в его создании и, если учесть многообразие форм и содержание ареалов с гидроформантом -га,

Реки Восточной Европы, Западной Сибири и Южной Сибири
(Алтай, Саяны, Прибайкалье и Забайкалье)

нет веских оснований говорить об исключительно прафинском его происхождении. К тому же нельзя отвергать и импульсы зауральского и сибирского происхождения.

Большой интерес в этой связи представляют сведения археологов. Так, В. В. Напольских в одной из работ, оперируя данными археологических исследований, отмечает, что середина II тыс. до н. э. — время «глобальных слов культур» в лесной полосе Евразии, вызванных, кроме других причин, интенсивными связями камско-волжского населения с зауральским и западносибирским, очевидно родственным, населением (мощные культурные импульсы с востока на запад, возможно, и передвижение племен из Западной Сибири в Европу), хотя процесс распространения уральских культур шел уже в первой половине II тыс. до н. э. и в более северной полосе Евразии. Одной из важнейших причин сдвига урало-западносибирского населения на запад, как полагает В. В. Напольских, является начавшееся в середине III тыс. до н. э. и особенно усилившееся во второй половине II тыс. до н. э. сокращение ареала темнохвойной тайги на севере Западной Сибири и начавшееся во второй половине II тыс. до н. э. наступление этой тайги в Восточной Европе. Племена Урала и Западной Сибири, стремясь сохранить традиционное экологическое окружение, смешались на запад и юго-запад (Напольских 1990 : 54—55).

Вместе с тем следует заметить, что перемещения каких-то частей сибирского населения в Восточную Европу исходили и из более южных районов Сибири, о чем свидетельствуют гидронимы Волго-Окско-Камского междуречья, полностью совпадающие фонетически с речными названиями Южной Сибири: *Кама*, р. в Восточной Европе, левый приток р. Волга (см. карту) — *Кама*, р. Новосиб., правый приток р. Омь (Радлов 1989 : 696); *Большая Кокшага* (*Кугу Кокша*), р. Киров., Мар., левый приток р. Волга; *Малая Кокшага* (*Изи Кокша*), р. Мар., левый приток р. Волга (Янтемир 1926 : 8—9); *Кокша*, р., правый приток р. Ляж (Лаж) Вятск. (МСВГ 1887 2); *Большая* и *Малая Какша*, р. Костр. (ныне в Нижегород.), левый приток р. Ветлуга (КГ XI) — *Кокша*, р. в Горном Алтае, левый приток р. Бия (Радлов 1989 : 700); *Ока*, р. в Восточной Европе, правый приток р. Волга — *Ока*, р., впадает в Братское вдхр., Бурятия, Иркутск. (Радлов 1989 : 704); *Селенга*, р., приток р. Кичменьга, впадает в р. Юг (Серебренников 1981 : 166) — *Селенга*, р. в Монголии, Бурятии, впадает в оз. Байкал (Радлов 1989 : 707).

Что касается названия реки *Кама* в Припелымье (Вуоно 1969 : 104), то оно, возможно, привнесено из Восточной Европы.

Поток речных названий из Южной Сибири, в частности, с межгорных понижений бассейна Селенги (юго-западные районы Забайкалья), Окинско-го плоскогорья (крайние районы Восточного Саяна), южной части Катунь-Бийского междуречья Горного Алтая и из центральной части Обь-Иртышского междуречья Западной Сибири в Волго-Окско-Камское междуречье Восточной Европы несомненно является наиболее древним. Поэтому имеются веские основания говорить об участии какого-то палеосибирского компонента в этногенезе финно-угров Волго-Камья. Здесь уместно привести данные антропологии: Г. М. Давыдова, анализируя современное состояние проблемы уральской расы по соматологическим материалам, отмечает, что П. И. Зенкевич на основе детального изучения соматологии ряда поволжских народов охарактеризовал область Волго-Окско-Камского бассейна как место смешения «столкнувшихся здесь волн различных расовых типов (монголоидов и европеидов)» (Давыдова 1992 : 6).

Результаты исследований краниоскопических признаков, в частности клиноидно-верхнечелюстного шва (КВШ) и индекса поперечно небного шва (ИПНШ), показывают, что для европеоидных групп типична высокая частота соединения клиновидной кости с верхней челюстью у нижней глазничной щели (выше 20%), для монголоидов, за исключением представителей центральноазиатской расы, характерна низкая частота — ниже 20%. Что касается КВШ уралоязычных народов, то низкие, «сибирские» величины свойственны только саамам (кроме группы из Утсайоки), финнам Хяме и Варсинайс-Суоми-Сатакунды, горным мари, обеим группам мордвы, удмуртам и ненцам. Низкие частоты КВШ отмечены также в обеих группах обских угров. Что касается ИПНШ, то типично монголоидной его величины не зафиксировано ни в одной уралоязычной группе: в «критическую европеоидно-монголоидную область попадают саамы Инари, у нижней (монголоидной) границы этой области находятся карелы, эрзя и манси, у верхней (европеоидной) границы — финны Уусимаа, луговые мари и ненцы (Козинцев 1991 : 41—43).

Эти факты еще в большей степени убеждают, что какая-то часть речных названий с палеоформантом *-га* была привнесена сибирским населением в Волго-Окско-Камское междуречье. О справедливости такого предположения свидетельствуют речные названия на *-га* Западной и Восточной Сибири: *Лайга*, р., левый приток р. Кеть; *Мойга*, р., правый приток р. Чая; *Тига*, р., правый

приток р. Бакчар; *Суйга*, р., левый приток р. Андарма — Западная Сибирь (Беккер 1970а : 16—17); *Биринга*, *Каренга*, *Катанга*, *Орлингга*, *Акшанга* и др. — Восточная Сибирь. Правда, в указанных названиях рек Восточной Сибири М. Н. Мельхеев выделяет суффикс *-нга* со значением 'почтительного отношения, увеличительной формы' (1969 : 9).

Демонстрируя некоторые параллели в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири, Э. Г. Беккер полагает, что формант *-га* в европейских названиях рек восходит к сельк. *-кы/-гы* 'река', причем сибирские названия встречаются на территории современного или бывшего проживания селькупов и полностью раскрываются на материале селькупского языка. Справедливость этой мысли, как она далее отмечает, подтверждается наличием названия *Унжа* (*Унжа*, р., левый приток р. Ока; *Унжа*, р., правый приток р. Нукша), которое встречается также в Западной Сибири на территории селькупов в виде самостоятельного топонимического образования и в качестве номенклатурного термина к названию небольшой реки (*Унжа*, р., левый приток р. Каилка, *Квенал-унжа*, р., правый приток р. Пайдугина, *Пуныл-ундж*, р., левый приток р. Чижапка), где адаптированное русским языком слово *унжа* восходит к сельк. *унджъ* 'ручей, речка' (Беккер 1970а : 16—18). Этот список можно продолжить такими гидронимами Волго-Камья, как *Унжа*, р., приток р. Шора — Мар. (Янтемир 1926 : 8), *Унжа*, р., правый приток р. Ировка — Мар. (Янтемир 1928 : 8), *Унжа*, р., правый приток р. Пижма — Нижегород. (Трубе 1962 : 173), *Унжа*, р., левый приток р. Волга — Костр. (КГХ).

В связи с приведенными гидронимическими параллелями интересно заметить, что отгидронимный ойконим Республики Марий Эл *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. При этом первый компонент ойконима он справедливо сопоставляет с комиЗ *шор* и удм. *шур* 'ручей'. Что касается второго компонента, то он подчеркивает, что в нем легко угадывается комиЗ *удж* 'нельма' (ср. манс. *unš* 'нельма'), и указывает на соответствие марийского инлаутного *-нч-* комиЗ *-дж-*, ср., например, *вончаш* 'переходить' — комиЗ *вуджны* 'переправиться, перейти'; мар. *йончаш* 'сочиться, просачиваться' — комиЗ *йиджны* 'всасываться, впитываться; просачиваться' (Казанцев 1985 : 39). Однако семантическая отдаленность комиЗ *удж* 'нельма' от гидронима *Уньжа* вызывает сомнения в их родстве. Судя по приведенным материалам, гидроним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, имеющим значение 'речка, ручей', что свидетельствует о его архаичном, уральском характере.

По наблюдениям Э. Г. Беккер, слово *унжа* в карасинском диалекте селькупского языка бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов оно имеет форму *унджъ* (1970б : 10). И. С. Галкин, анализируя названия селений Республики Марий Эл *Сапунья* и *Шорунья*, вводит в научный обиход и сельк. *ундж*, *унжа* 'ручей, речка'. В исходной семантической плоскости сельк. *унджа* в древности могло иметься и значение 'река'. Об этом убедительно говорит сообщение Э. Г. Беккер о том, что и П. С. Паллас отмечал существование *унджа* 'река' у карасинских самоедов (Беккер 1970а : 18). Опираясь на селькупскими языковыми данными, И. С. Галкин проводит мысль о финно-угорском происхождении гидронима *Унжа* (1991 : 110, 137—138). Между тем сопоставления с гидронимами Западной Сибири и самодийские языковые данные, ср. также сельк. *unty* 'овраг с ручьями (весной)' и 'сухое песчаное русло (летом); речка, восстанавливающаяся после дождя' (Очерки 63), дают все основания считать его реликтовым лексическим элементом уральского происхождения.

Стало быть, нет сколько-нибудь серьезных оснований для отрицания возможного участия каких-то сибирских, в частности угро-самодийских, племен в создании гидронимов на -*za* Волго-Камского региона. Более того, в свете недавних археологических открытий участие сибирских компонентов в этногенетических процессах народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья подтверждается. Определенный интерес в этом отношении представляет работа Б. С. Соловьева, где говорится о роли западносибирского населения эпохи бронзы в этнической истории Поволжья (1988 : 21—43). Причем Б. С. Соловьев справедливо подчеркивает, что вопрос о соотношении носителей сейминско-турбинских бронз с культурами самусьско-кротовского типов должен решаться на западносибирских материалах (1988 : 32). В исследованиях же сибирских археологов подчеркивается, что самусьские антропо- и зооморфные изображения находят параллели в бронзовых литых изображениях в кулайских памятниках периода раннего железного века. Отмечаются параллели (по орнаментации, по некоторым чертам погребального обряда и т.п.) между еловскими памятниками и памятниками кулайской, малгетско-релкинской культур и культурой селькупов II тыс. н.э. (Матюшенко 1985 : 26).

Наконец, в пользу такого утверждения свидетельствуют данные антропологических изысканий. Так, Г. М. Давыдова, освещая результаты популяционно-генетических исследований манси с привлечением сравнительных данных по другим народам Восточной Европы и Азии, пишет, что в верхне-сосвинской группе манси высока частота гена *q* (0,263); подобные частоты встречаются редко, в частности у бурят (0,265), у архангельских ненцев (0,282), у марийцев (0,246). Далее, ссылаясь на сведения других ученых, она уточняет, что сибирские народы довольно четко делятся на две группы по частоте гена *q*: у палеоазиатских и других народов Северной Сибири она низка, у южносибирских народов (или народов, связанных по происхождению с Южной Сибирью) она высокая, например, у якутов — 0,209, у алтайцев в целом — 0,202, у алтай-кижи, по данным Ю. Г. Рычкова — 0,245, по данным Г. М. Давыдовой — 0,277 (№ 241). Повышенная частота гена *q*, по ее мнению, наблюдается также у кетов — 0,183. Другая большая область расселения народов с высокой частотой гена *q* — Европейский Север России и Поволжье (Давыдова 1974 : 100).

Что касается народностей самодийской группы, в том числе и архангельских ненцев, имеющих высокую частоту гена *q*, то вопрос требует дополнительных разъяснений. Так, Л. В. Хомич, обращая внимание на название западного притока р. Кулой — *Сояна*, в районе которого зимой кочуют и сейчас канинские ненцы, пишет: «Это название заставляет вспомнить этнонимы Южной Сибири — *соян*, *сойат*, что любопытно в свете предположений относительно южного происхождения народностей самодийской группы» (1966 : 29). В порядке уточнения надо отметить, что среди ряда гипотез по этногенезу самодийских народов основными являются две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно первой, самодийцы Саянского нагорья являются потомками самодийцев приполярной зоны, где они были аборигенами: с севера часть самодийцев под влиянием каких-то причин двигалась на юг, заселив Саянское нагорье. Согласно второй, самодийцы, в том числе и ненцы, являются потомками самодийских племен Саянского нагорья, продвинувшихся из Южной Сибири в более северные районы. Разделяя мнение многих ученых, придерживающихся второй точки зрения, и учитывая лингвистические данные (термины для пород деревьев, лесных зверей и морских животных), а также ритуальные действия ненцев, связанные с бурым медве-

дем, Л. В. Хомич полагает, что начало продвижения самодийских племен, в том числе и ненцев, на север было связано с переселением народов в I—II вв. н.э. В результате этого переселения племена, населявшие Южную Сибирь, пришли в движение и часть их отправилась на север. Передвижение, по ее мнению, шло главным образом по Оби, частично, возможно, по междуречью Оби и Енисея и продолжалось до конца I тыс. н.э. (Хомич 1966 : 29—37).

Однако можно предположить, что продвижение части самодийских племен из районов урало-сибирской общности в западном направлении, в частности к Уралу и далее в Волго-Камье, а оттуда позже на Европейский Север по большим рекам и их притокам, возможно, имело место в период развитого неолита и в начале энеолита, следами чего, видимо, является гидролексема *cul'si*, к которой потом присоединились разноязычные гидронимические детерминативы *jokg 'река', *я* 'река', *шур* 'река', *ва* 'вода', *нер* (< *энер*) 'река, речка'. Например: *Соега*, р. Костр. (СНМКГ 144, 154); *Сия* 1) р., левый приток р. Ныла (СГНУА 120); 2) р., приток р. Коса, впадает справа в Каму (Рыжавский 1986 : 15); *Сишур*, р. (Атаманов 1989 : 19); *Сива*, р., правый приток р. Большая Какша, впадает в Ветлугу; *Синерь*, р., приток р. Казанка (Списокъ; МСВГ 1886 : 1).

Миграционные импульсы с Алтая эпизодически исходили, видимо, и позднее. Особый интерес в этом отношении представляет книга В. В. Радлова «Из Сибири: Страницы дневника» (Москва 1989). Он пишет: «Под натиском своих южных соседей угро-самоедские племена, разумеется, задолго до рождения Христова, частью южнее Алтая переселились на запад, частью же были отнесены в леса Сойонских гор и восточнее Алтая отошли на север. Часть из них, дубо (самоеды-оленоводы и предки тубинцев, койбалов, маторов и черневых татар. — А. К.), осела в лесистых горах» (Радлов 1989 : 439—440).

В этой связи имеет смысл привести пространный отрывок из высказываний А. Е. Богданович, не лишенный вероятия и субъективных домыслов: «Чуваши и черемисы, по-видимому, непосредственно (по Самаре и Волге) вышли с Южного Урала, куда они были вытеснены из Алтайского края, или же были ранними ватагами киммерийцев времен ямных погребений. Мокша и эрзя также ранние ватаги киммерийцев (до нашествия «кемов»), носители ямных погребений. Меря пришла позже, после нашествия скифов на юге, и притом разными путями Доно-Окским и Днепровским, и, видимо, заняла господствующее положение в крае (в Ростовско-Белозерском крае. — А. К.), дав имя большому народу с центром у озера Неро или Ростово» (1966 : 119).

Сами по себе предполагаемые концепции служат своего рода информацией для размышления над проблемами этнической истории народов финно-волжской языковой общности и импульсами для выявления вкраплений чужеродных этнокомпонентов, очагов и следов иммигрантов Волго-Камья. Не вступая в полемику с А. Е. Богданович, следует, однако, отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории любого народа были и остаются чрезвычайно сложными. Их решение невозможно без тщательного и глубокого изучения археологических, антропологических, историко-этнографических и прочих данных, без учета лингвистических сведений родственных и неродственных контактирующих языков. При этом нет оснований представлять этногенетические процессы как прямолинейные, игнорируя факты воздействия на них субстратных и суперстратных явлений.

Что касается происхождения марийского народа, то несомненный интерес представляет определение территории проживания протомарийского этноса,

которая до сих пор окончательно не установлена. Ранний этап этнической истории марийского народа, как явствуют исследования последних лет, проходил на правобережье Волги (Казанцев 1985 : 40). По словам В. Смирнова, позднее, уже в историческое время, не раньше XIV века, марийцы с Ветлуги селятся в Костромской губернии (1926 : 67).

Результаты анализа краниологии народов Поволжья и Приуралья в связи с вопросами их этно- и расогенеза показывают, что пестрая картина антропологического состава населения Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху раннего железа сменяется к рубежу н.э. достаточно стабильным антропологическим пластом, который отчетливо фиксируется почти без изменения вплоть до V в. н.э. (материалы из могильника пьяноборской, карабызской, азелинской и мазунинской культур). Примерно с V в. н.э., по антропологическим материалам, вновь идет нарастание иммиграционных процессов в Поволжье и Приуралье (Ефимова 1990 : 175—180).

Заслуживает внимания также определенный круг речных названий Волго-Камья, восходящий к другим самодийским гидротерминам, например, название реки *Яга*, левого притока р. Умяк, протекающей по Кизнерскому району Удмуртии, объясняется на материале ненецкого языка, ср. нен. *яха* 'река'. Озвончение ненецкого заднеязычного плоскощелевого χ (Попова 1978 : 19) произошло на почве удмуртского языка, фонологическая система которого характеризовалась отсутствием этого звука в древности, ср. удм. *Ягги* (Атаманов 1988 : 95).

Говоря о кочевье ненцев, Л. Н. Жеребцов отмечает, что они кочевали, заходя далеко на юг, в пограничные леса Печоры, где промышляли коми охотники (1982 : 157—158). Однако, как свидетельствует гидроним *Яга*, южная граница кочевий ненцев доходила до Вятки, поскольку южная территория Кизнерского района на крайнем юго-западе Удмуртии охватывает низину бассейна Вятки (ее левобережье).

Определенную роль в формировании гидронимов на *-га* сыграл угорский субстрат. Так, по мнению Д. Е. Казанцева, в начале II тыс. н.э. в Поволжье могли быть отдельные мансийские племена, поэтому неслучайно многие топонимы этого края объясняются на материале мансийского языка (Казанцев 1985 : 94—95).

Рассматривая этническую историю хантов и манси с привлечением лингвистических данных А. Каннисто, З. П. Соколова замечает, что южные манси жили в прошлом по рекам Тура (верховья) с притоками Мулгай, Тагил и Нейва, Кама, Чусовая, Сылва, Ирень, Иньва, Уфа и Буй (верховья), Печора (верховья), Сысола, Вычегда, Пинега, Мезень (верховья), Вятка, Чепца, достигая притоков Волги в районе Козьмодемьянска (1982 : 19).

На основании приведенных материалов можно говорить о тесных культурно-исторических связях мари с какой-то частью мансийского населения. Этим объясняется, видимо, близость манси и мари по комплексу антропологических признаков несмотря на их значительную нынешнюю разобщенность. Г. Л. Хить, обобщая данные по дерматоглифике финно-угорских народов, отмечает, что луговых и горных марийцев разделяет очень небольшое расстояние (объем кожного рельефа = 8,7), но первые еще ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые — к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,0 и 8,1) (1991 : 69).

Однако имеющиеся волго-камские гидронимы угорского происхождения этимологи склонны толковать не на материале мансийского языка, а генетически возводить их к хантыйскому гидротермину. Так, И. С. Галкин название

двух рек *Большой* и *Малой Юнги*, по-марийски *Кого Йынгы* и *Арйынгы*, впадающих в Волгу на территории Горномарийского района Республики Марий Эл, отождествляет с хант. *йынк* 'вода' (1991 : 146). В современном мансийском языке для обозначения воды употребляется *wit, wət* (ОФУЯ 402).

Тем самым есть основание полагать, что в бассейнах рек *Большой* и *Малой Юнги* в древности могли быть и отдельные хантыйские племена, позднее ассимилированные манси. Действительно, по мансийским преданиям, род *пор* является не чисто мансийским, а смешанным с ханты (Ромбандеева 1976 : 229). В этой связи заслуживает внимания удмуртское название мари *пор*. Однако вопрос о наличии или отсутствии генетических связей мари с одной из фратрий обских угров — *пор* никем из исследователей не ставился. Возникновение указанных названий, вероятно, относится к тому времени, когда предки удмуртов жили в Ветлужско-Вятском междуречье по соседству с марийцами.

В исходе гидронима *Йынгы*, ср. хант. *йынк* 'вода, водный' (Скамейко, Сязи 1985 : 30, 120), вост.-хант. *јэпк* 'вода' (Терешкин 1981 : 94), редуцированный *ы* развился, видимо, на почве марийского языка для разрядки стечения согласных из призвука, похожего на указанный гласный.

Любопытно, что название р. *Юнга*, правого притока р. *Имза*, протекающей по Лысковскому району Нижегородской области, Л. Л. Трубе связывает с мар. *унго* 'филин', именуя речку по-русски *Филинкой* (1962 : 183). Однако такое этимологическое объяснение не выдерживает критики ни с фонетической, ни с семантической точек зрения. Следует уточнить, что для обозначения филина в луговом наречии марийского языка употребляется *йнгѳ*, в горном наречии — *йнгѳ*. В ауслате гидронима *Юнга* выступает широкий гласный *а* — показатель рода, являющийся следствием адаптации исходного *ы* на русской языковой почве. Известно, что в русском языке ни одно из существительных в единственном числе не может быть вне категории рода, в финно-угорских же языках этот морфологический признак отсутствует. Финно-угорские названия рек, вживаясь в структурно-грамматическую ткань русского языка, получают родовые показатели.

Техника грамматической адаптации имеет свои особенности: 1) если в конечной позиции речных названий, кроме гласного *а*, выступает любой другой гласный, то он, как правило, замещается широким *а*: рус. *Кюржа* < *Күржѳ*, рус. *Пемба* < *Пембе*, рус. *Она* < *Оно*, рус. *Ронга* < *Ронго*, рус. *Чукша* < *Чүкшѳ*; 2) если гидроним оканчивается на согласный звук, то родовой показатель к нему прибавляется вместе с суффиксом *к*, имеющим уменьшительное значение, который показывает на величину гидрообъекта: рус. *Исюйка* < *Исюй*, рус. *Кордемка* < *Кӧрдем*, рус. *Шойка* < *Шой*. Причем звуковое переформирование иноязычного гидронима на русской языковой почве может сопровождаться вставкой сложного суффикса *-инк(а)*, где *-ин-* — суффикс единичности, а *-к(а)* — уменьшительности: *Липша* — *Липшинка*, *Олма* — *Ольминка* (Терентьева 1994 : 187—188).

Многие гидронимы с конечным *г, к* на русской почве наращиваются гласным *а*, расширяя тем самым круг названий с формантом *-га*, на что в свое время обратил внимание и А. И. Попов, проиллюстрировав это явление названием *Визинга*, ср. коми *Визин(г)* (Попов 1965 : 107). К данной группе примыкает также древнеперм. *юг* 'река' (Кривошекова-Гантман 1968 : 23), получившее флексию *-а* на русской почве под действием фактора аналогии, ср., например, гидронимы: *Юга* Костр. (КГ XLVIII); р. *Юга* Вятск. (МСВГ 1886 : 103) и др.

Возвращаясь вновь к этимологии гидронима *Юнга*, приходится констатировать, что предложенное объяснение представляется достаточно вероятным. Однако, судя по семантике и фонетическому облику, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* 'речка' (РНС 245), 'короткая протока' (НРС 814), что позволяет сделать вывод об уральском его происхождении.

Волго-Камские гидронимы *Ega* [je-ga], *Ėga* [jo-ga] своим происхождением связаны с ф.-у. *jokę 'река', ср. соответствия родственных языков: эрз. *jou* 'р. Мокша', мар. *йог-* [joγ-] 'течь; протекать', фин. *joki* : *joen* (др.-фин. *jogen*) 'река', эст. *jõgi*, норвС *jokkâ*, 'удм. ю: ю-шур' 'река' (*шур* 'река'), коми ю 'река', хант. *joγan* 'речка', манс. *jā* 'река', венг. (устар., в топонимах) *jó* 'река' (ОФУЯ 129, 136—137, 208, 403). Как показывают примеры, стройной картины представленности рефлексов инлаутного праф.-у. *k в современных финно-угорских языках не наблюдается (ФВЯО 79): в одних языках он озвончился, в других — выпал вместе с конечным гласным, а в эрзянском через промежуточный *g* развился в *v*.

Вместе с тем, ф.-у. *jokę 'река' участвует в лексической деривации. При этом базой для образования сложных речных названий служит субстратный гидронимический апеллатив уральского происхождения *šo* с вариантами *ši*, *šš*, *šu* 'река, речка, протока', ср. нен. *сё* 'проток' (РНС 227), 'протока; река, вытекающая из озера' (НРС 551). В качестве примеров можно привести гидронимы *Соega* Костр. (СНМКГ 144); *Сюга*, р., левый приток р. Вала (МСВГ 1886 : 4); *Сыга* 1) р., левый приток р. Чепца, 2) р., левый приток р. Пызеп (СГНУА 126). Образования такого типа наполнены содержанием 'речная река' или 'проточная (речная) вода'.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что формирование гидронимов с формантом *-ga* происходило в сложных ситуациях, где имели место уральские языковые отложения и последующие топонимические напластования, а также сложные переплетения экстра- и интралингвистических факторов.

Сокращения

Арханг. — Архангельская область; **Вологод.** — Вологодская губерния; **Вятск.** — Вятская губерния; **Иркутск.** — Иркутская область; **Карел.** — Карелия; **Киров.** — Кировская область; **Костр.** — Костромская губерния; **Мар.** — Республика Марий Эл; **Моск.** — Московская область; **Нижегород.** — Нижегородская губерния; **Новосиб.** — Новосибирская область; **Пермск.** — Пермская губерния; **Уфим.** — Уфимская губерния; **Яросл.** — Ярославская область.

ГССРИ — Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I, Санктпетербург 1863; **КГ** — Костромская губерния. Список населённых мѣсть по свѣдѣніямъ 1870—72 годовъ, Санктпетербург 1877; **МСВГ 1886** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. I. Малмыжскій уѣздъ. С приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Москва 1886; **МСВГ 1887** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 2. Уржумскій уѣздъ. Съ приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Вятка 1887; **МСВГ 1889** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 6. Выпускъ 2-ой. Елабужскій уѣздъ, Вятка 1889; **МСВГ 1892** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 7. Сарапульскій уѣздъ, ч. I. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Съ приложеніемъ картъ: почвенной и урожайности, Вятка 1892; **НГ** — Нижегородская губернія. Списокъ населённыхъ мѣсть по свѣдѣніямъ 1859 года, Санктпетербургъ 1863; **НРС** — Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорскихъ языков, Москва 1974; **Очерки** — А. И. К у з н е ц о в а, Е. А. Х е л и м с к и й, Е. В. Г р у ш к и н а, Очерки по селькупскому языку, т. I. Тазовский диалект, Москва 1980 (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики, вып. 8. Материалы полевых исследований. Серия монографий); **РНС** — Русско-ненецкий словарь, Москва 1948;

СГНУА — Словарь географических названий Удмуртской АССР, Москва 1980; СММКГ — Список населённых мѣсть Костромской губерніи (По свѣдѣніямъ 1907 года), Кострома 1908; Списокъ — Списокъ населённых мѣсть Россійской имперіи. Казанская губернія по свѣдѣніямъ 1859 года, т. XIV, Санкт-Петербургъ 1866; УГ — Уфимская губернія. Списокъ населённых мѣсть по свѣдѣніямъ 1870 года, Санктпетербург 1877; ФВЯО — Финно-волжская языковая общность, Москва 1989.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р. А. 1989, Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации, Москва.
- Айплатов Г. Н. 1980, История Марийской АССР с древнейших времен до конца XIX в. Учебное пособие для учащихся VII—VIII классов, Йошкар-Ола.
- Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика, Ижевск.
- 1989, Исторические пласты в топонимии Удмуртии. — Вопросы финно-угорской ономастики, Ижевск.
- Беккер Э. Г. 1970а, О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. — Языки и топонимия Сибири, вып. 2, Томск, 16—18.
- 1970б, О некоторых селькупских географических терминах. — Языки и топонимия Сибири, вып. 3, Томск, 8—11.
- Богданович А. Е. 1966, Языки земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнологический очерк по данным водо-речной номенклатуры и другим материалам, Ярославль.
- Бунон Г. П. 1969, Особенности мансийской топонимики Припелымья. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969, Томск, 102—104.
- Галкин И. С. 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края, Йошкар-Ола.
- Давыдова Г. М. 1974, Популяционно-генетические исследования манси. — Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии, Москва, 96—107.
- 1992, Современное состояние проблемы уральской расы (По соматологическим материалам). — Материалы к антропологии уральской расы, Уфа.
- Дульзон А. П. 1970, Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока. — Языки и топонимия Сибири, вып. 2, Томск.
- Ефимова С. Г. 1990, Краниология народов Поволжья и Приуралья в связи с вопросами их этно- и расогенеза. — Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорской конференции (Ижевск, 1987), Ижевск, 175—180.
- Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X—начало XX в., Москва.
- Зимин П. В., Еремин Г. В. 1989, Реки Пензенской области, Саратов.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев), Йошкар-Ола.
- Козинцев А. Г. 1991, Краниоскопические особенности населения Финляндии. — Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии), Москва.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1968, Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье. — Географические названия Прикамья, Пермь, 16—51.
- Матюшенко В. И. 1985, О достоверности этнических сопоставлений археологических культур эпохи неолита и бронзы Западной Сибири. — Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык), Новосибирск, 24—27.
- Мельхеев М. Н. 1969, Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области, Иркутск.
- Напольских В. В. 1990, Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории). — Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорской конференции (Ижевск, 1987), Ижевск.
- Никольский Н. В. 1919, Сборник исторических материалов о народностях Поволжья, Казань.
- Пименов В. В. 1979, Урало-Поволжская историко-этнографическая область (к проблеме изучения). — Проблемы типологии в этнографии, Москва, 39—48.

- П о п о в А. И. 1965, Географические названия (введение в топонимику), Москва—Ленинград.
- П о п о в а Я. Н. 1978, К проблеме ареальных исследований этнографии народов Сибири. — Народы и языки Сибири. Ареальные исследования, Москва.
- Р а д л о в В. В. 1989, Из Сибири: Страницы дневника. Перевод с немецкого, Москва.
- Р о ж д е с т в е н с к и й А. 1926, Географический очерк Костромской губернии. — Прошлое и настоящее Костромского края, Кострома.
- Р о м б а н д е е в а Е. И. 1976, Мансийский язык. — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва 229—239.
- Р ы ж а в с к и й Г. Я. 1986, По Каме и ее притокам, Москва.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1955, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ, № 6, 19—31.
- 1981, О некоторых гидронимических загадках Прибайкалья. — Языки и фольклор народов Севера, Новосибирск, 162—167.
- С и м и н а Г. Я. 1962, Дославянская топонимия Пинежья. — Вопросы географии, сб. 58. Географические названия, Москва, 85—89.
- С к а м е й к о Р. Р., С ы з и З. И. 1985, Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Пособие для учащихся начальной школы (на языке шурышкарских ханты), Ленинград.
- С м и р н о в В. 1926, Население Костромского края в прошлом и настоящем. — Прошлое и настоящее Костромского края, Кострома.
- С м о л и ц к а я Г. П. 1976, Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер), Москва.
- С о к о л о в а З. П. 1982, Обские угры (ханты и манси). — Этническая история народов Севера, Москва.
- С о л о в ь е в Б. С. 1988, Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене). — Археология и этнография Марийского края, вып. 14. Этногенез и этническая история марийцев, Йошкар-Ола, 21—43.
- Т е р е н т ь е в а О. П. 1994, Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы). Канд. дисс., Йошкар-Ола (Рукоп.).
- Т е р е ш к и н Н. И. 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград.
- Т р у б е Л. Л. 1962, Как возникли географические названия Горьковской области, Горький.
- Х и т ь Г. Л. 1991, Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии. — Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии), Москва.
- Х о м и ч Л. В. 1966, Ненцы. Историко-этнографический очерк, Москва—Ленинград.
- Я н т е м и р М. Н. 1926, Описание Маробласти. Звениговский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 3, Краснококшайск.
- 1928, Описание Маробласти. Сернурский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 7, Йошкар-Ола.

ANATOLIY KUKLIN (Joškar-Ola)

ON ETYMOLOGY OF THE VOLGA-KAMA HYDROFORM *-za*

Throughout different historical epochs migration and infiltration of various tribes took place in the Volga-Kama Region involving reciprocity and integration of ethnocultural components, mixing of newcomers and natives, as well as other ethnic processes conditioned by impulses of social development of the population and also by external factors, which together influenced its toponomy.

Thus, the creation of the hydronimicon with the *-za* form is stratified by both the time factor and the influence of many languages.

A part of rivers' names with the paleoform *-za* was introduced by Siberians to the Volga-Oka-Kama Region.

The hydronyms *Eza*, *Ėza*, *Юza* are connected with the Finno-Ugric *joŋg 'river'.

Some names refer to Samodian hydroterms, e.g. the name of the river *Яza* can be ex-

plained through the Nenets language, cf. Nenets *яха* 'river'. The Ugric substratum also played a certain role in the formation of hydronyms with *-га*.

Besides, the hydronyms ending in *-з, -к* added the vowel *а* due to the Russian influence, expanding the number of names with the *-га* form, e.g. Russian *Визинга* < *Визин(з)*.

As mentioned above, the formation of hydronyms with *-га* occurred in a very complicated situation, where there were the Ural precipitations and further toponymic layers, also intricate combinations of extra- and interlinguistic factors.